

Боваева Галина Манджиевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ЭТНИЧЕСКИХ ПИЩЕВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ
(на материале глоттонических номинаций
калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань 2012

Работа выполнена на кафедре германской филологии гуманитарного факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Калмыцкий государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Олянич Андрей Владимирович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Солнышкина Марина Ивановна
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

кандидат филологических наук, доцент
Замалютдинова Эльмира Рафаэлевна
ФГАОУ ВПО «Казанский государственный
энергетический университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

Защита состоится 2012 года в часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2, ауд.207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г.Казань, ул.Кремлевская, 35). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Режим доступа: <http://www.kpfu.ru/>

Автореферат разослан «___» 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Т.Ю. Виноградова

Общая характеристика работы

Представленное диссертационное исследование принадлежит к числу работ, выполненных в русле лингвосомиотики и сопоставительной этнолингвокультурологии. Объектом сопоставительного изучения избраны лингвосо-миотические системы глоттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов, вербализующие этноспецифически маркированное когнитивное наполнение концептов «Хот-хол», «Пища / Еда» и «Das Essen», актуализированных, соответственно, в калмыцкой, русской и немецкой лингвокультурах. Предметом научного рассмотрения является лингвокультурная специфика пищевых предпочтений калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов, обусловленная многовековым аксиологическим опытом их глоттонического общения.

Актуальность диссертации определяется ее вкладом в решение ряда таких проблем, насущных для современной лингвистики, как:

– выявление и описание специфики когнитивной структуры базовых этнокультурных концептов, значимых для потребностной коммуникации народов, отдаленных друг от друга в лингвокультурном, расовом и ментальном отношениях (калмыки, русские/славяне, немцы/австрийцы/швейцарцы);

– определение и анализ этнокультурных сходств и различий в способах лингвосомиотической актуализации пищевых предпочтений сопоставляемых этносов;

– изучение ценностной составляющей пищевых предпочтений калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов, дифференцированно рефлексированной в их ритуальном общении.

Целью диссертации является комплексное сопоставительное научное исследование лингвосомиотической и лингвокультурной систем глоттонической коммуникации народов Калмыкии, России, Германии, Австрии и Швейцарии, чьи гастрономические предпочтения по-разному формировались в ходе всей их истории; целью работы также является попытка анализа языковых, дискурсивных и ритуальных знаков, составляющих специфику гастрономической картины мира у представителей каждого из сопоставляемых этносов.

Цель работы определила соответствующие исследовательские задачи:

– дать общую характеристику лингвокогнитивной системы глоттонии этноса;

– описать специфику когнитивной структуры концептов «Хот-хоол», «Пища / Еда» и «Das Essen», актуализируемой, соответственно, в калмыцкой, русской и немецкой лингвокультурах;

– представить анализ исторических и социальных предпосылок формирования ключевых пищевых субконцептов «Мясные продукты», «Молочные продукты» и «Чай» в лингвокогнитивных системах глоттонии калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов;

– выявить и проанализировать структуру и содержание лексико-семантической системы калмыцко-, русско- и немецкоязычных глоттонических номинаций, вербализующих когнитивное содержание ключевых пищевых субконцептов «Мясные продукты», «Молочные продукты» и «Чай»;

– репрезентировать сопоставительное описание лингвокультурной специфики аксиологии пищевых предпочтений калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов;

– произвести сопоставительный историко-культурологический анализ актуализации знаков глоттонии в ритуалах жертвоприношения в калмыцкой, русской и немецкой лингвокультурах.

В диссертации выдвигается следующая **гипотеза**:

Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений детерминирована территориально обусловленными и исторически сложившимися традициями добычи, приготовления и потребления продуктов питания носителей калмыцко-, русско- и немецкоязычных культур, что, в свою очередь, специфически рефлексировано в лингвосемиотической (номинации продуктов питания, способов их добычи и обработки, собственно блюд) и когнитивной (процессы и ритуалы, связанные с приготовлением и потреблением пищи) системах глоттонической коммуникации калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов.

Методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области теории дискурса [Т. Ван Дейк, М.Г. Извекова, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин], концептологии [Е.В. Бабаева, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, Н.А. Красавский, В.В. Красных, С.Х. Ляпин, В.А. Маслова, Н.Б. Мечковская, Ю.С. Степанов и др.], лингвосемиотики [Н.Ф. Алефиренко, С.А. Аскольдов-Алексеев, Т.Н. Астафурова, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, А.В. Олянич, И.А. Стернин, Е.И. Шейгал], лингвокультурологии [Н.Д. Арутюнова, Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, Н.П. Головницкая, Ю.Н. Караулов, В.А. Маслова, В.М. Савицкий, С.Г. Тер-Минасова, Г.В. Токарев], истории, географии и семиотики этнолингвокультуры [И. Арефьева, Э.Э. Бараташвили, Е.В. Бембеев, М. Бембэ, Ю.В. Бромлей, В.А. Буряковская, К.В. Вяткина, А. Я. Гуревич, Р. Гюнтер, А. Р. Корсунский, В.В. Красных, Л. Мюссе, Б.Б. Оконов, Г.Ц. Пюрбеев, В. Т. Сиротенко, М. Тодд, И.Ф. Янушкевич, E.Künzl, A. Krause, R. Simek, E.A. Thompson, H. Wolfram; R. Wolters], потребностной коммуникации и этноглоттонологии [Э.Э. Бараташвили, Э.А. Гашимов, Н.П. Головницкая, Д.Ю. Гулинов, Л.Р. Ермакова, С.В. Захаров, А.Ю. Земскова, В.В. Когитин, М.В. Короткова, Е.В. Лаврентьева, Д.Г. Мальцева, А.В. Олянич, Ю.В. Реймер, М.А. Рыблова, А.В. Симакова, М. Сырников, Т.И. Шараева, П. Ядровская, K. Köstlin, G. von Paczensky, A. Dünnebier], аксиологической лингвистики [П. Алексеева, Е.В. Бабаева, Э.П. Бакаева, Т.Г. Борджанова, Т.С. Есенова, С.К. Каляев, Н.А. Красавский, А. Санджиев, Ю.С. Степанов, Е.Э. Хабунова].

Материал исследования представлен:

– калмыцко-, русско- и немецкоязычными номинациями-глоттонимами, представляющими собой языковые знаки потребностной коммуникации рассматриваемых этносов – лексемы, семантика которых связана с добычей, приготовлением и потреблением пищи (около 4400 лексических единиц);

– текстами рецептов приготовления блюд из трех ключевых продуктов пищевых предпочтений названных этносов (мясные, молочные, чай) на калмыцком, русском и немецком языках (более 1200 текстовых фрагментов);

– текстами исторических документов, в которых излагаются основы пищевых предпочтений калмыцко-, русско- и немецкоязычных народов, приводятся истории продуктов питания, их обработки и производства, описываются процессы приготовления блюд (более 250 текстовых фрагментов);

– текстами законодательного характера, регламентирующими качество и стандарты производства продуктов питания (20 текстовых фрагментов);

– текстами этнографического характера, описывающими ритуалы светского и сакрального типа, в которые включено потребление пищи, использование пищи в манипуляциях жертвоприношения и т.п. (около 150 текстовых фрагментов);

– глуттоническими фразеологизмами и паремиями, извлеченными из калмыцко-, русско- и немецкоязычных лексикографических источников, а также текстов эпосов, фольклора и благопожеланий, где они выступают в качестве лингвистических маркеров ценностного опыта изучаемых культур народов Калмыкии, России, Германии, Австрии и Швейцарии (около 300 единиц).

Сопоставительный характер предпринятого диссертационного исследования, специфика объекта и предмета изучения предопределили использование следующих научных методов:

– гипотетико-индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы логического анализа для получения выводного знания о путях становления пищевых предпочтений рассматриваемых этносов и их систематизации;

– компонентный анализ лексических единиц для выявления их семного состава и определения наличия в них культурных смыслов, ассоциированных с добычей, приготовлением и потреблением пищи;

– метод структурного моделирования глуттонических номинаций (названия продуктов и блюд) для определения типичных паттернов коллокации элементов соответствующих глуттонических словосочетаний;

– сравнительно-сопоставительный анализ лингвосомиотической сферы пищевых предпочтений калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов для выявления количественных и качественных сходств / различий в их номинативной и дискурсивной наполненности;

– лингвокогнитивный анализ для описания национально-специфических предметных, образных и ценностных характеристик концептов «Хот-хоол», «Пища / Еда» и «Das Essen», а также ключевых субконцептов «Мясные продукты», «Молочные продукты» и «Чай»; для изучения лингвосомиотических способов их вербализации, соответственно, в калмыцкой, русской и немецкой лингвокультурах;

– интерпретативный анализ семантики глуттонических идиом, паремий и прецедентных текстов вербализации субконцептов «Мясные продукты», «Молочные продукты» и «Чай» в глуттонической коммуникации калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов;

– лингвокультурологический анализ светских и сакральных ритуалов, ассоциированных с пищевыми предпочтениями рассматриваемых этносов.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующим:

– в работе осуществлено выделение, описание и сопоставительное изучение лингвистических знаков пищевых предпочтений, дифференцированно вербализующих концепты «Хот-хол», «Пища / Еда» и «Das Essen», а также

ключевые субконцепты «Мясные продукты», «Молочные продукты» и «Чай» в сопоставляемых калмыцко-, русско- и немецкоязычных культурах;

– осуществлено сопоставительное описание лингвокультурной специфики аксиологии пищевых предпочтений калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов, отраженной в соответствующих прецедентных текстах, смысловом содержании национально-специфических идиом и паремий, а также в светских и сакральных ритуалах, практикуемых рассматриваемыми этносами при актуализации пищевых предпочтений.

Личным вкладом соискателя является:

1) подробное изучение недостаточно освещенного в научной литературе аксиологического аспекта этноспецифической глуттонической коммуникации на калмыцком, русском и немецком языках, для чего научному анализу подвергнуты речевые формулы благопожеланий, паремии и прецедентные тексты рецептов, гастрономических фрагментов поэтических и прозаических произведений, а также текстов, законодательно регулирующих качество производимых пищевых продуктов и блюд;

2) впервые осуществленный лингвосемиотический сопоставительный анализ лингвистических знаков пищевых предпочтений народов, отдаленных друг от друга в лингвокультурном, расовом и ментальном отношениях (калмыки, русские / славяне, немцы / австрийцы, швейцарцы).

Теоретическая значимость диссертации состоит в дополнении и детализации научных сведений, а также верификации некоторых положений ряда лингвистических теорий:

– теории потребностной коммуникации, описывающей процессы и способы выживания человека в национально-специфической среде повседневной жизни на территории этнодетерминированного хабитата; систематизирующей сходства и различия в коммуникативных ситуациях взаимодействия представителей различных этносов в процессе актуализации их пищевых предпочтений;

– лингвосемиотической теории, доказывающей первоочередную значимость знаков пищевых предпочтений в формировании лингвосемиотической и когнитивной картин мира любого этноса;

– теории дискурса, позволяющей выявить лингвокультурные особенности национально-специфической актуализации имен концептов в непосредственной интеракции представителей этноса;

– этно-аксиологической теории коммуникации, описывающей процессы становления системы ценностей в ходе истории формирования того или иного этноса (племени, народа, нации, народности).

Практическая ценность диссертации состоит в возможности использования ее результатов и проанализированных материалов в вузовских лекционных курсах по этнолингвосемиотике, спецкурсах по социо- и этнолингвистике, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, в теоретических курсах по проблемам изучения языковой личности. Результаты исследования могут лечь в основу учебно-методических пособий и рекомендаций по анализу и интерпретации текстов калмыцко-, русско- и немецкоязычной этнокультур, а также стать источником лексикографических исследований, использоваться при

составлении лингвокультурных словарей глоттонических номинаций, ассоциированных с пищевыми предпочтениями калмыцко-, русско- и немецкоязычного этносов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Лингвокогнитивная система глоттонии любого этноса представляет собой сложный семиотический, культурно специфический и когнио-ментальный феномен, исторически сформировавшийся на основе пищевых предпочтений членов соответствующего этносоциума и детерминирующий институциональный, идеологический, социальный, сакральный и культурный образы этноса в представлениях о нем всего мирового сообщества. Еда (пища) и связанный с ней гастрономический дискурс представляют собой особую лингвокогнитивную систему глоттонии, в которой сконцентрированы такие сущности, как «культурный капитал», национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые). Данные сущности как совокупность взаимо-организованных знаков «погружены» в особый тип коммуникации – глоттонической, связанной с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления.

2. Пища представляет собой особый концепт, специфически вербализующийся в различных этнокультурах посредством лингвистических знаков – номинаций продуктов питания, процессов их добычи, обработки, приготовления и потребления. В сопоставляемых этнолингвокультурах калмыцко-, русско- и немецкоязычных народов этот концепт репрезентирован такими именами, как, соответственно, «Хот-хол», «Пища / Еда» и «Das Essen», при этом лингвосемиотическая и лингвокультурная актуализации этого концепта в глоттонической коммуникации рассматриваемых этносов имеют как сходство, так и существенные различия.

3. Существенные отличия русскоязычного и немецкоязычного воплощения концептов «Пища» / «Еда» и «Das Essen» от калмыцкоязычного «Хот-хол» заключаются 1) в наличии не единичного когнитивного образования, а целой глоттонической концептосферы, что подтверждается широкой синонимической вербализацией; 2) в обилии внутри русскоязычной и немецкоязычной глоттонических систем знаков инструментов и способов приготовления пищи для потребления и их слабой репрезентации в калмыцкой глоттонии.

4. Сопоставляемые калмыцкоязычная, русскоязычная и немецкоязычная этнокультуры имеют свои пищевые зоны с различающимися продуктами потребления, которые имеют пересекающиеся (общие) глоттонические константы. Такими константами являются субконцепты «Мясные продукты», «Молочные продукты» и «Чай».

5. Общей характеристикой вербальной репрезентации субконцептов в сопоставляемых лингвокультурах является разнообразный репертуар 1) знаков-денотативов или номинаций мясопродуктов в зависимости от подвида выращиваемых животных, частей мясных туш, вторичных продуктов разделки туш, блюд, изготавливаемых из мяса и молока; 2) знаков-квалификаторов, номинирующих качество, метод (способ обработки); 3) знаков-процессивов,

номинирующих добычу, обработку и приготовление блюд; 4) знаков-комментативов, представленных как лексикографически, так и в прецедентных текстах рецептов и описаний приготовления блюд; 5) знаков-пермиссивов, разрешающих потребление мясных и молочных продуктов, и 6) знаков-лимитаторов, ограничивающих или запрещающих потребление некоторых видов пищи.

6. Основными отличиями вербальной репрезентации субконцептов внутри сопоставляемых лингвокультур являются: 1) слабая представленность знаков-локативов в глоттонической системе калмыцкоязычной этнокультуры по сравнению с русскоязычной и немецкоязычными этнокультурами; 2) более разнообразная репрезентативность знаков-инструментативов и знаков-персоналий в русскоязычной и немецкоязычных этнокультурах по сравнению с калмыцкоязычной этнокультурой; 3) значительно бóльшая степень представленности знаков-дескрипторов квалификативной направленности в номинативной сфере «блюда из мясопродуктов», характерная для русскоязычной этнокультуры по сравнению с калмыцкоязычной и немецкоязычными этнокультурами глоттонии, что выражается в наличии большого количества паттернов коллокации элементов соответствующих глоттонических словосочетаний.

7. Лингвокультурная специфика аксиологии пищевых предпочтений калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов детерминирована их историей, традициями, институциональными, сакральными установлениями внутри соответствующих социумов и заключена в семантике глоттонических номинаций / вербальных комплексов. Ценности калмыцкоязычного этноса сконцентрированы вокруг задач обеспечения здоровья и долголетия путем эксплуатации целебных свойств мяса, молока и чая, что рефлексировано в многочисленных паремиях, благопожеланиях, семантизировано в прецедентных текстах; ценности русскоязычного этноса «балансируют» между стремлением к обильному, разнообразному питанию и сакральными (христианскими) ограничениями на принятие «небогоугодной» пищи; немецкоязычные этносы демонстрируют приверженность как к чревоугодию, так и к рациональному потреблению пищи, регулируемому национальными традициями и социальными институтами.

Апробация результатов диссертации. Основные положения и результаты диссертационного исследования докладывались на международных научно-практических конференциях Волгоградского государственного аграрного университета «Профессиональное образование XXI века: проблемы, решения, перспективы» (Волгоград, 2010-2012гг.), научных семинарах по лингвокультурологии, аксиологической лингвистике и концептологии в Калмыцком государственном университете (Элиста, 2009-2012гг), на научно-практической конференции (Улан-Батор, Монголия, 2009г.), на международной научной конференции «Русский язык в диалоге культур» (Воронеж, 2010г.), на международном научно-практическом семинаре «Динамика языковой ситуации в монгольском мире (Улан-Удэ, Бурятский государственный университет, 2010), на XI международной научной конференции «Актуальные вопросы современной науки» (Таганрог, 2011г., на III международной научно-практической конференции

«Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (Краснодар, 2012г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано 11 работ общим объемом 3,9 п.л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций.

Структура работы определена темой исследования, его целями и логикой решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается необходимость сопоставительного и лингвокультурного изучения лингвосомиотических систем глоттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов, специфически вербализующих пищевые предпочтения этих народов, обусловленные многовековым аксиологическим опытом их глоттонического общения; формулируются актуальность, новизна избранной темы и задачи диссертационной работы, определяется методологическая база, научная и практическая ценность исследования. Структура работы обуславливается логикой поставленных исследовательских задач.

Первая глава «Знаки пищевых предпочтений в этнических лингвокультурах» носит теоретико-аналитический характер; в ней репрезентируются основные понятия и терминология, необходимые для освещения проблемы и ее состояния в современном языкознании; описывается лингвокогнитивная система глоттонии этноса; изучаются параметры репрезентации концепта «Пища» в лингвокультурах калмыцко-, русско- и немецкоязычных народов; осуществлён обзор исторических и социальных предпосылок формирования ключевых пищевых субконцептов «Мясные продукты», «Молочные продукты» и «Чай» в лингвокогнитивных системах глоттонии сопоставляемых этносов.

Формирование любой лингвокогнитивной системы связано с понятием этнической идентификации (этничности): группы говорящих на любом языке или диалекте оперируют опознавательными знаками, специфичными для их национального или этнического происхождения. Под этничностью исследователи обычно понимают «...абстрактное понятие, реализующееся в этнической идентификации индивида с определенным этносом по разным критериям: происхождение, язык, культура, территория. Выражением признака этничности в сознании народа является этническая картина мира, которая представляет собой взгляд на себя как на этнос и взгляд на другие этносы сквозь призму своей национальной ментальности...» (Буряковская 2000: 20).

Каждый этнос в процессе своего исторического «взросления» когнитивно осваивает процессы приготовления пищи, формирует представления о ее вкусовых качествах, эстетизирует потребление пищи, т.е. формирует образ потребляемой еды, семиотически репрезентируя его в виде блюд. В недрах глоттонической системы каждого этноса формируются представления о персоналиях, причастных как к процессам добычи, доставки, обработки (охотники, рыболовы, огородники, садоводы, фермеры, мясники, обвальщики туш), так и приготовления (повара,

кулинары, кондитеры) и потребления еды – агенты (метрдотели, официанты), а также клиенты (посетители заведений общественного питания).

В рамках этноглuttonии складывается особый вид коммуникации – глuttonической, поддерживаемый гастрономическим дискурсом, который, в свою очередь, базируется на лингвосемиотической системе, состоящей из достаточно жесткой знаковой структуры

Глuttonимами именуют собственно знаки пищи и ее компонентов. К знакам-локативам и знакам-инструментативам в глuttonической системе могут быть отнесены 1) знаки, номинирующие место происхождения продукта или способ его приготовления; 2) знаки, номинирующие как собственно место, где готовится продукт, так и инструменты, используемые в процессе приготовления и потребления.

Знаки – квалификаторы в глuttonической системе функционируют в когнитивной категории рецепции и формируют ее, весьма обширное, семантическое поле. Ключевыми квалификационными понятиями денотации здесь являются доминанты-оппозиции «съедобный / съедобно» → «несъедобный / несъедобно» → и «вкусный/вкусно» → «невкусный / невкусно». Основным свойством этой знаковой подсистемы является ее семантическая градуированность.

Знаки-персоналии номинируют деятелей, связанных с добычей, обработкой, доставкой и переработкой пищи, а также с ее презентацией.

Директивные знаки-процессивы призваны, во-первых, описать процесс подготовки пищи к потреблению, во-вторых, прокомментировать ход процесса и исполнить функцию регуляции процесса, в-третьих, определить возможные варианты, не влияющие на ход процесса в сторону его ухудшения, и, наоборот, наложить ограничения на ход процесса, поскольку некие факторы могут его изменить в сторону ухудшения. В глuttonической системе функционируют четыре типа таких лингвистических знаков. Это знаки-дескрипторы, знаки-комментативы и регулятивы, знаки-пермиссивы и знаки-лимитаторы.

подсистема, состоящая из знаков-квалификативов и знаков-эмотивов с разной функционально-коммуникативной нагрузкой. В этой группе выделяют а) знаки-перцептивы как знаки вторичной номинации, отражающие отношение субъектов гастрономического дискурса к процессам приготовления и потребления пищи; б) знаки-идеологемы, связанные с номинацией сферы власти и соответствующей ей идеологии.

Для **целей** нашего диссертационного исследования более всего релевантно описание таких глuttonических знаков, которые исполняют совокупность всех функций системы глuttonии, но преимущественно относятся к классу социально- и этно-детерминированных знаков эмоциогенной квалификации. Это знаки национальной самоидентификации. В этноглuttonической лингвокогнитивной системе они занимают весьма важное место, характеризуя пищевые предпочтения того или иного этноса.

В каждом этносе существуют пищевые продукты, преимущественно употребляемые на национальном уровне; способы и инструменты их приготовления и потребления, ритуалы и традиции, сопровождающие эти процессуальные действия, разрешения и запреты социального, гендерного и

религиозного (сакрального) характера детерминируют национальную самоидентификацию, и, в свою очередь, репрезентируют культуру этноса в мировой этнокультурном пространстве, демонстрируя ее специфику.

Концепт «пища», относящийся к числу важнейших смысловых областей обыденного сознания, находит многомерное воплощение в изучаемых нами этнолингвокультурах калмыцкоязычного, русскоязычного и немецкоязычных этносов.

Концепт «Пища» в калмыцкой лингвокультуре обобщенно репрезентирован вербалией «Хот-хол». Для народа Калмыкии пища (еда) представляет собой жизненно важную константу. В предметном секторе когнитивного пространства калмыцкого культурного концепта «Пища» («Еда») сконцентрированы смысловые кластеры, рефлексированные рядом дефиниций и зафиксированные в толковых словарях Г.Ц. Пюрбеева (1996:106,109), Б.Д. Муниева (1977:263,601), Б.Х. Тодаевой (2001:171,269,309, 402), БАМРС (2001:264):

идэн идх, уух юмн, хот-хол, күмсн – еда, кушанье, пища, продовольствие, продукты; цаһан идэн молочная пища, молочные продукты (букв. белая пища); идэ амсад һарх уйти, уехать, отведав пищи (из молочных продуктов); идэнэ үлдл остатки пищи; зун амтн төгсгсн идэ авад ирв принесли пищу, исполненную ста вкусов, Джангар.

идш-ууш идх, уух юмн, эдлх хот-хоолын зүүл продукты питания, продовольствие.

хот идх, уух юмн, тежэл пища, еда, кушанье; үдин хот обед; асхни хот ужин; өрүни хот завтрак; хот кех готовить еду; шимтэ хот питательная, калорийная пища; амтн-шимтн уга хот безвкусная пища; хотын сээг күүнд өг, хувцна сээг эврэн өмс посл. лучшей пищей угощай людей, лучшую одежду надевай сам; хот уудг гер столовая; шүүднгү хот недоваренная пища.

хот-хол идх-уухин тоот, күмсн; эдл-ууш продукты питания, провизия, продовольствие; хот-хоолар тетклһн снабжение, обеспечение продуктами питания; хот-хол өглһн кормление.

Из дефиниций следует, что глуттоническая составляющая концепта сконцентрирована в вербализации основных значений лексем, являющихся именами концептов и репрезентирована в калмыцкой языковой системе как единичное когнио-ментальное образование; метафорическая зона, выходящая за рамки глуттонии, представлена не так широко как в русской лингвокультуре. Номинация пища вербализована в калмыцком языке следующим синонимическим рядом: хот, хот-хол, идэн, тежэл.

Калмыцкая лингвокультура адекватно и бережно рефлексировывает ценностное отношение народа к пище как к средству и способу здорового бытия которое семиотизировано в парадигме глуттонических знаков в виде

1) отдельных лексем (*чиидмг* «напиток из бозо или кумыса, разбавленный холодным молоком или водой», *будан* «затируха, мучной суп», *чигән* «кисломолочный напиток», *борцлсн махн* «вяленое мясо», *шүүрмг* «сушеный творог», *шар тосн* «топленое масло», *үсн* «молоко», *һуйр* «мука», *джомба* «чай»)

2) в виде паремий, где центральным смысловым компонентом выступает пища, расцениваемая как ценностный элемент жизни, по своему происхождению

прототипический и явно этнокультурный, образующий концептосферу и вербализуемый паремиологически в виде фразеологических единиц, метафорически передающих разнообразные коммуникативно и этнокультурно значимые жизненные ситуации, например, обеспечения или удовлетворения потребностей (һолан девтэх – насытить себя калорийной пищей; хорха көндрх (күрх) – почувствовать аппетит; бахнь ханх – удовлетвориться, пресытиться чем-либо, например, пищей; ханзһ улалһж ирх – возвращаться с добычей; ундан хэрүлх – утолить жажду). [Пюрбеев 1974]

Образный компонент этнокультурного концепта «Пища» обнаруживается в семантике фразеологических единиц калмыцкого языка, которые метафорически вербализуют житейские ситуации, релевантные для существования социума (ситуация подстрекательства, когда коммуниканты реализуют какую-либо стратегическую цель, семиотизирована идиомой һал деер тос кех – подливать масло в огонь, где семантическим центром / внутренней формой фразеологизма является глуттоним «масло».

Образность коммуникативной ситуации малодушия, робости реализуется при помощи глуттонической идиомы *келси үгэн идх* «отказываться от своих слов, забрать свои слова назад». Сугубо глуттоническая ситуация одобрения вкусно приготовленной пищи семантически актуализована во фразеологизме Кел-ам долам – о чем-либо вкусном – пальчики оближешь.

В русскоязычном этносе концепт «Пища» также обнаруживает обширную лингвосемиотическую репрезентацию в широкой парадигме лексических номинаций предметной сферы а) разнообразных пищевых продуктов, относящихся к основным типам объектов пищевого потребления (мучные продукты, мед, грибы, овощи, ягоды, орехи, фрукты, мясо домашних и диких животных, птицы, яйца, молочные продукты, рыба, ракообразные, речные моллюски, чай, спиртные напитки); б) репертуара разнообразных блюд, приготавливаемых из пищевых продуктов, предпочитаемых этносом в рамках этноспецифического, исторически сформировавшегося хронотопа или порядка приема пищи, предполагавшего учет изменений и варьирования репертуара потребления пищи в зависимости от местонахождения или места проживания этноса, времени дня, года, вида занятий.

В целом в предметном секторе когнитивного пространства русского культурного концепта «Пища» («Еда») сконцентрированы смысловые кластеры, рефлексированные рядом дефиниций и зафиксированные в словарях русского языка В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, Ю. Д. Апресяна. По данным словарей пища – это то, что едят и пьют с целью насыщения, что служит для питания; еда, яство, еда, всё съедобное; еда, в отличие от питья: пища и питье; вещества, питающие организм: главная пища растений – вода; (перен.) то, что является материалом для усвоения, изучения, запоминания: пища для ума; (перен.) то, что является материалом и движущей силой для возникновения и распространения чего-либо: давать пищу слухам, подозрениям.

Глуттоническая составляющая концепта сконцентрирована в вербализации основных значений лексем, являющихся именами концептов; метафорическая зона выходит за рамки глуттонии и означает совершенно иные материальные и социальные феномены. В принципе можно говорить о значительном отличии

русскоязычного воплощения концепта «Пища» и его аналога «Еда» от калмыцкоязычного, которое заключается в наличии не единичного когнитивного образования, а целой глуттонической концептосферы, что подтверждается обильной синонимической вербализацией: так, номинации пища и еда имеют целый синонимический ряд – снедь, яства, съестное, припасы, продукты, продовольствие, провизия, провиант, корм, фураж, блюдо, кушанье, питьё, напиток, стол, диета, закуска, питание, стряпня, деликатес, лакомство, разносолы, трапеза, кухня.

Можно также говорить о значительном лингвосемиотическом отличии русскоязычной глуттонической этнокультуры от калмыцкоязычной. Этот кластер представлен в русскоязычной глуттонической системе широким спектром номинаций (см., например, обилие номинаций инструментов для подачи / сервировки приготовленных блюд и их потребления – супница, поднос, разнос, вилка, тарелка, блюдце, чашка, ложка, братина, кубок и т.п.

Образный кластер этнокультурного концепта «Пища» в русскоязычной этнокультуре вербализован в огромном обилии единиц идиоматического фонда русского языка. В этих устойчивых словосочетаниях и фразеологических единицах (идиомах) отражены scentальные (одоральные, т.е. имеющие запах), густальные (имеющие вкус) и визуальные качества объектов глуттонии, которые рефлектируют метафорику бытия этноса в разных житейских ситуациях. Это такие идиомы, как лакомый кусочек – то, что желательно получить в пользование; несолоно хлебавши – вернуться бесприбыльно; объедки с барского стола – оставшееся после господ кушанье, которое обычно отдавали в людскую; отрезанный ломоть – о сироте, ребенке, чужом в собственной семье; пища богов – очень вкусная пища; профессор кислых щей – никчемный, неграмотный человек – сборная солянка – все вместе, без разбору, невозможно найти.

Ценностный кластер анализируемого нами культурного концепта формируется через концентрацию многочисленных максим, зафиксированных в национальном паремиологическом фонде русского языка. Широта охвата ценностных ориентиров этноса, лингвистически маркированных глуттоническими паремиями, весьма внушительна: нами обнаружено более 80 паремий с глуттоническим компонентом, например, такие как «Ешь пирог с грибами, да держи язык за зубами»; «Ешь пироги, хлеб береги»; «Живем, хлеб жуем»; «За вкус не берусь, а горячо сварю»; «Знает кошка, чье мясо съела» и т.д.

Предметный компонент культурного концепта «Пища» / «Еда» («Das Essen») в немецкоязычной этноглуттонии получает достаточно развернутую вербализацию. Это осуществляется при помощи лексических единиц (номинаций) Essen, essen, trinken, Mahlzeit, дефинируемых толковым словарем немецкого языка «Дуден» следующим образом:

Essen, das – 1. a) Einnahme der [Mittags-, Abend] mahlzeit: beim Essen sitzen; mit dem Essen anfangen; zum Essen gehen; jmdn. zum Essen einladen; Sprichwort: Essen und Trinken hält Leib und Seele zusammen; b) offizielle, festliche Mahlzeit: nach dem Empfang findet ein Essen statt; an einem Essen teilnehmen; [für jmdn.] ein Essen geben. 2. zur Mahlzeit zubereitete Speise: ein warmes Essen; ein vorzügliches Essen; das Essen wird kalt; kommt schnell, sonst verbrennt mir das Essen!; [das] Essen machen, kochen;

das Essen auf den Tisch bringen; ich werde dir das Essen warm stellen; sein Essen auf dem Zimmer einnehmen; (Soldatenspr.:) Essen fassen, empfangen; acht Essen (acht Portionen Essen) fehlen; Essen auf Rädern (soziale Einrichtung, durch die in einer Gemeinschaftsküche zubereitetes Mittagessen älteren Menschen ins Haus geliefert wird). 3. Verpflegung: für Essen und Trinken sorgen; am Essen sparen; was er verdient, reicht gerade fürs Essen; bei mir haben sie ... dreimal warmes Essen am Tag erhalten.

Сфера предметности концепта в немецком языке, монотонно объединяющем все немецкоязычные этносы – и немецкий, и австрийский, и швейцарский – так же, как в русскоязычной этнолингвокультуре, расширена за счет вербализации при помощи обильного лингвосемиотического арсенала синонимов *Speise, Gericht, Kost, Nahrung, Nahrungsmittel, Ernahrung, Lebensmittel, Kuche, Imbiss, Mahl, Festessen, Festmahl*.

Предметную сферу описываемого концепта в немецкоязычной среде вербализуют номинативные средства первичной обработки продуктов (мыть, чистить, *waschen, schulen, (ab)pellen, abschuppen*); вторичной обработки, понимаемой как разделение продукта на части (резать, измельчать, *schneiden, zerkleinern*); соединение продуктов (смешать, добавить, *mischen, vermengen, dazutun, zufugen, zugeben*); термовоздействие (жарить, запекать, охладить, *braten, rosten, backen, abkuhlen lassen*).

Объект в сфере употребления пищи (готовые блюда, продукты, непосредственно приготовленные к приему пищи) характеризуется рядом таких признаков номинаций, как полезность продукта (*kalorienarm, vitaminreich*); визуальной (*appetitlich, braungebraten*), густальной (*lecker, schmackhaft*) или scentальной (*aromatisch*) привлекательности объекта.

Субъект в сфере употребления в терминах оценки может быть охарактеризован как потребитель пищи: а) с высокой потребностью в пище, оцениваемой как положительно (хороший волчий аппетит, *Barenhunger haben*), так и отрицательно (ненасытная утроба, *Vielfrass*); б) с низкой потребностью в пище, оцениваемой положительно (сытый, *satt*) или отрицательно (ковырять вилкой в тарелке, с трудом проглатывать, *hinunterwargen*).

Предметная составляющая концепта «Das Essen» также вербализована при помощи номинаций процесса потребления пищи, детализирующих семантические признаки а) поглощения пищи (есть, пить, *essen, trinken*) как с позитивной (подкрепиться, *sich strarken*), так и с негативной (жрать, *fressen*) оценкой этого действия; б) параметризации объема поглощения пищи (заморить червячка, перекусить, *einen Imbiss nehmen*); в) указания цели поглощения пищи (наестся, насытиться, утолить голод, *den Hunger stillen*).

Образный компонент концепта «Das Essen» актуализуется при помощи широкого спектра идиоматических номинаций. Здесь обнаруживается этноспецифика глуттонического фразеобразования, по-разному представленная в немецкоязычных этносах, что связано с особенностями жизненного уклада их представителей. Так, для жизненного уклада австрийцев релевантны такие фразеологизмы-глуттонимы, как *Das ist kein Kaffeehaus fur mich = Hier gefallt es mir nicht* «мне здесь не нравится»; австрийский диалектизм *der Hofen = Kochtopf* «кастрюля, горшок», обладающий вторичным ЛСВ *Gefongnis* «тюрьма» явился

семантическим центром идиомы *ins Höfen gehen* – «сесть в тюрьму». Близость австрийцев к славянским этносам специфицировала семантику ряда пищевых образов, легших в основу некоторых идиом. Так, славянское повидло оказалось семантическим центром австрийской идиомы *Das ist mir Powidl* = «мне на это наплевать», а заимствованная из славянской глоттонической системы лексема «хрен» семантизировала образ непросвещенного человека, тем не менее, желающего высказать свое мнение (*Seinen Kren dazugeben – seine unwissentliche Meinung zu etwas sagen* «высказать свое непросвещенное мнение о чем-либо»).

Для немецкоязычного этноса Германии образ пищи – всегда есть представление о сытной жизни, плотном потреблении еды, при этом для номинации образа национального бытия используются и национально значимые продукты и блюда. Так, в основе идиомы *Rin in die Kartoffeln, raus aus'n Kartoffeln* = то так, то эдак; то туда, то обратно – фиксируется номинация стратегического продукта этноса, т.е. картофель. Во фразеологизмах *Wurst wieder Wurst* – «колбаса за колбасу», т.е. «услуга за услугу» и *Das ist mir Wurst!* = «мне наплевать на это» обнаруживаем еще один этнически значимый продукт – колбасу, без которого невозможна в Германии ни одна трапеза.

В фокусе нашего исследования оказались этносы с абсолютно различной историей, условиями быта, жизни, институциональными установлениями, гендерными и другими социальными отношениями. Соответственно, у каждого рассматриваемого этноса сформировались свои особые глоттонические предпочтения, образовался свой хабитат, свои пищевые зоны с различающимися продуктами потребления. Разумеется, цивилизации пересекаются; соответственно, их сопоставление должно быть осуществлено по таким пересекающимся константам. Нами были найдены три такие глоттонические константы, схожие во всех трех сопоставляемых этносах.

Как оказалось, это субконцепты «Мясные продукты», «Молочные продукты» и «Чай». Рассмотрению лингвокультурной специфики этих номинаций в калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносах посвящена **вторая глава** диссертации «Лингвокультурная специфика номинаций ключевых пищевых субконцептов в калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносах».

Как показало исследование, лингвокультурная специфика номинаций ключевых пищевых субконцептов в калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносах детерминирована рядом сходств и различий этноглоттонического характера. Специфической особенностью глоттонической системы калмыцкого этноса является практически почти полное отсутствие знаков-локативов. Это, очевидно, связано с малой территорией этнического хабитата, а также с отсутствием промышленных центров по обработке и выпуску мясной продукции. Таким образом, выделить некий специфический локальный дескриптор обработки мяса и его приготовления оказалось невозможным.

В отличие от глоттонических систем русско- и немецкоязычных этносов, невелик репертуар знаков-инструментативов (11 номинаций). В то же время, глоттонимы-квалификаторы в калмыцкой сфере номинации обработки, приготовления и потребления мясопродуктов репрезентированы достаточно широко при помощи номинаций качества мясопродуктов и метода (способа)

обработки мяса для потребления. Этнокультурные обычаи калмыков, связанные с добычей, обработкой, приготовлением и потреблением мясопродуктов, в отличие от этнокультурных обычаев сопоставляемых русско- и немецкоязычных лингвокультуры оказались бедны именами персоналий (всего 17 номинаций).

Существенным отличием калмыцкой глоттонической системы в сфере потребления мясопродуктов от сопоставляемых русско- и немецкоязычной этноглуттоний является обилие знаков-комментативов, образующих целые вербальные комплексы-лингвосемиотические комментарии по поводу процессуальной специфики приготовления калмыцких блюд из мясопродуктов религиозного, социального, потребностного и сугубо глоттонического характера.

В отличие от сопоставляемых этнолингвокультур, калмыцкая характеризуется обилием номинаций разрешения или запрета на определенные гастрономические возможности (соблазны), регулируемые историческим и религиозным контекстом. Главным регуляционным оператором потребления мясопродуктов выступают социальные отношения старшинства и гостеприимства, культивируемые в иерархическом устройстве калмыцкого этноса.

В отличие от калмыцкой глоттонической системы, в глоттонии русскоязычного этноса велико наличие знаков-локативов сферы «мясопродукты» (наименования видов колбасы мясных изделий и блюд из мяса, знаков-процессивов, описывающих различные процессы обработки и потребления мясопродуктов, знаков-квалификативов, представленных широкой палитрой номинаций качества того или иного блюда и высокой сортности того или иного типа мясопродуктов.

Традиционные блюда русского «мясоедного» меню, репрезентированы в гастрономическом репертуаре русского языка большим разнообразием семантически разноструктурных номинаций. Такими базовыми – списочными – структурными паттернами являются, семантико-словообразовательные модели. Преобладающей моделью в списке паттернов оказалась модель N + «по-», пришедшая в русскую глоттоническую этнолингвокультуру из французской гастрономии, калькировано трансформировавшись из французской модели N + a la, что обусловлено сильным влиянием французской этнолингвокультуры на российский социум в XIX столетии.

Российская глоттоническая система, так же, как и немецкоязычная, имеет отчетливый мультиплицированный топический характер, что связано с географической протяженностью и обширностью территории Российской Федерации и значительностью территорий расселения немецкоговорящих этносов (Германия, Австрия, Швейцария) и выражается обилием знаков мясопродуктов, рефлектирующих специфику локального – их приготовления. Русскоязычная этноглуттония характеризуется обилием и разнообразием мясного стола, «подпитанного» европейской (немецкой, итальянской, французской) гастрономией, чем объясняется преобладающее количество номинаций в сопоставлении с калмыцкой.

Специфической особенностью глоттонической системы немецкоязычных этносов в сфере мясопродуктов является широкое присутствие знаков-квалификативов, знаков-дескриптивов и знаков-локативов, что связано с широкой

раздробленностью немецкоязычных стран на земли – административные территориальные единицы и детерминирует многообразие глоттонических предпочтений, локальных способов и инструментов приготовления пищи.

Сопоставление трех этноглоттологических номинативных систем сферы мясопродуктов – калмыцкоязычной, русскоязычной и немецкоязычной – дает нам основание утверждать, что для калмыцкоязычной этноглоттонической системы номинаций мясопродуктов типично наличие простых и незамысловатых способов приготовления блюд из мяса, при этом ведущими типами мясопродуктов являются говядина, баранина и конина, что детерминировано особенностями кочевого быта этноса и преимущественным направлением доминирующего вида занятий – скотоводства. Исторически в культурологии калмыцкого этноса в пищу употреблялась сагайтатина, верблюжатина и суслятина; однако, сегодня эти мясопродукты исчезли из пищевых предпочтений этноса вследствие неминуемого участия калмыцкого народа в общецивилизационном процессе.

Этноспецифическим отличием калмыцкоязычной глоттонии следует признать полную утилизацию туши животного для потребления: от использования шкур животного в бытовых целях (одежда, упряжь, обувь, детали походного жилища) до пригодности каждой части туши в определенных гастрономических целях. Отмечается также широкий спектр номинаций субпродуктов, которыми калмыки не пренебрегали и всячески использовали их в гастрономических целях.

Важным лингвокультурологическим отличием является практически почти полное отсутствие в калмыцкоязычной глоттонии топических номинаций-локативов блюд из мяса, что связано с малой территорией республики и достаточно монотонной глоттонией приготовления блюд из мяса. Существенным параметром калмыцкоязычной глоттонии является ее ритуальная семиотика, которая позволяет исполнять знакам-номинациям мясопродуктов их презентационную функцию: ритуалы потребления мясных блюд обеспечивают калмыцкой лингвокультуре возможность репрезентировать историю и культуру этноса в общемировом пространстве.

В глоттонической системе калмыцкой мясной кулинарии отсутствуют знаки-персонификаты: по всей видимости, это связано с внутренними убеждениями и этическими нормами поведения калмыков в обществе, на формирование которых повлияли вековые традиции их кочевого образа жизни.

Базовые лингвосемиотические различия в рассматриваемых этноглоттонических системах сферы «Молочные продукты» состоят в том, что 1) калмыцкоязычная этнолингвокультура демонстрирует достаточно монотонное использование молока для приготовления узкого репертуара блюд из него, что детерминировано историческим кочевым укладом быта народа и стремлением сохранить продукт в его первозданном виде в условиях кочевья; специфической особенностью пищевых предпочтений этноса является присущая только калмыцкой глоттонии технология приготовления из молока спиртного напитка; 2) русскоязычная и немецкоязычная этнолингвокультуры характеризуются значительно большим разнообразием молочного продуктового спектра, по сравнению с калмыцкой, что доказывается преобладанием номинаций и номинативных комплексов, рефлектирующих национальные русские и немецкие

предпочтения в этой сфере; подобная этнолингвокультурная ситуация объясняется отсутствием кочевого образа жизни у данных этносов и технологической (цивилизационной) составляющей.

Национальный приоритет в потреблении чая демонстрируют калмыцкая и русскоязычная лингвокультуры, что доказывается обилием в данных лингвокультурах знаков, номинирующий виды и типы продукта, а также инструментов и способов его приготовления. Для немецкоязычных глоттонических этнокультур такая ситуация нетипична, что объясняется преимущественным предпочтением представителей этих этносов к потреблению кофе и иных напитков.

В третьей главе диссертации «Лингвокультурная специфика аксиологии пищевых предпочтений калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов» рассматриваются ценности сопоставляемых этносов. Они аккумулированы в семиотике ритуалов и паремиологии как основных фондах хранения народного опыта и мудрости, способствующим выживанию калмыцкоязычного этноса, оказывается институциональным и социальным символом благополучия народа Калмыкии, мерилем его национальных поведенческих качеств и ценностных характеристик.

Ценность мяса как ключевого продукта для калмыцкоязычного этноса широко рефлексирована в многочисленных паремиях и благопожеланиях (йорелах), семантика которых денотирует такие ценностные элементы, значимые для калмыцкого этноса, как благополучие, трудолюбие, умеренность, скромность, достаток, здоровье, сила, богатство, ум.

Мясо в российской этнолингвокультуре ассоциируется со стабильностью социального порядка, является мерой основательности и устойчивости, что также доказывается анализом русскоязычного паремиологического фонда. Мясопродукты в этносознании русскоязычного общества могут выступать мерилем порядочности, старательности и трудолюбия; в то же время этот продукт может маркировать такое качество характера или поведения, как хитрость и лукавство.

Для немецкоязычных этнолингвокультур мясопродукты также являются важным национально-значимым ценностным элементом. Однако, помимо констатации роли мясопродуктов как олицетворения благополучия, сытости и прочих жизненно важных для социума максимум мудрости, в немецкоязычном паремиологическом фонде зафиксированы ценности, специфически передаваемые паремиями с наименованиями мясопродуктов в их семантическом центре. Так, значительно количество немецкоязычных паремий, лингвосемиотическим центром которых является культовый немецкий продукт – сало (Speck) и в которых, в отличие от русскоязычных, утверждаются иные ценности, например, такие как ценность опыта предыдущих поколений, неприхотливость бытия; кроме того, в паремиях с центром Speck осуждаются зависть, ничем не обоснованные мечтания, высмеиваются бесполезные дела. Одним из специфических отличий аксиологии немецкоязычных этносов является ассоциированность немецкоязычных паремий с лексемой Wurst (колбаса). Сентенциональная семиотика таких паремий весьма разнообразна: обнаруживаются разнообразные идеи бытия, заложенные в паремиологических образах с центром Wurst.

Молочные продукты репрезентируют в калмыцкой гастрономической лингвокультуре богатство, достаток, благополучие, щедрости. Паремии с этим глуттоническим компонентом рефлектируют и способы их достижения путем проявления мудрости, трудолюбия, терпения, мирного доброго сосуществования, стремления этноса к совершенству своих умений. В паремиологии русских молочных продуктов существенную смысловую и аксиологическую нагрузку несут пословицы и поговорки с центральной лексемой «молоко». Мудрость русскоязычного этноса эксплицирована в таких паремиях с разными воздействующими целями для осуждения жадности и скарденности, для предупреждения об осторожности и извлечения урока из неудачного житейского опыта, для констатации недостижимости целей, бессмысленности и бесполезности людских действий, поступков, ожиданий. Молоко в русскоязычных паремиях оказывается лингвосемиотическим маркером юного возраста и ментальной незрелости, может маркировать красоту юности или молодости, осуждать чревоугодие и пьянство нерадивых священнослужителей, поощрять трудолюбие, приносящее благополучие, денотировать призыв доводить дело до конца, не отступать и не сдаваться, вести здоровый образ жизни.

Специфической особенностью немецкоязычных пословиц и поговорок о масле, сыре и кислом молоке является семантизируемая в них рефлексия добродетели и пороков, наставлений и инструкций о праведном образе жизни, предупреждений об ошибках и неурядицах, метких наблюдений за человеческой природой. Ценности калмыцкого этноса преимущественно связаны с чаем как центральным и культовым продуктом нации; они рефлексированы в целом ряде семиотических феноменов (сакральные церемонии и ритуалы), а также в обширном фонде паремий и литературно-фольклорных образцах народного творчества.

Для русскоязычного этноса чай представляет собой, прежде всего, коммуникативную ценность; его потребление гораздо менее ритуализовано, нежели в калмыцкой лингвокультуре и не обусловлено сакрально. Чай для русскоязычного этноса – скорее продукт, «участвующий» в неспешном общении, символ неторопливого и благополучного течения бытия, чем церемониал и компонент сакральности. Аксиология потребления чая в немецкоязычных этносах достаточно бедна. Лишь для восточных фризмов этот напиток формирует то, что составляет ценность существования этого народа.

Исследование подтвердило тот факт, что в сакральной коммуникации этноса важную роль играют элементы семиотической системы его языка и дискурса, которые проясняют общую картину базовых потребностных предпочтений, преломляющихся сквозь призму ритуальных установлений. В центре этой системы находится мощный кластер глуттонических (пищевых) номинаций, анализ которых предоставляет понимание общей картины процесса формирования верований и способов обеспечения безопасности этноса сакральными (магическими и иными) средствами коммуникации.

Изученное сакральное пространство глуттонической коммуникации трех архетипно-значимых этносов (калмыцкий, русский и немецкий – германский) позволило нам выявить ряд особенностей каждого этно-ориентированного поля глуттонической сакральной ритуализации приема пищи. Выявились сходства и

различия антропо-этнического свойства: каждый этнос продемонстрировал в своих сакральных практиках разные глоттонические лингвосемиотические действия; для калмыков ими оказались практики последовательной репрезентации намерений социума обеспечить жизнь и процветания: для русскоязычной лингвокультуры – вкусовые предпочтения оказались малорелевантными, и, соответственно – мало репрезентативными в плане знаков сугубой глоттонии; для германцев – ритуалы оказались преимущественно связанными с доминированием социума в институциональном смысле.

Характеризуя глоттоническое пространство ритуальной коммуникации, отметим, что пища – базовый компонент коммуникации, позволяющий структурировать общение по потребностному типу, давая решать проблемы достижения согласия в обыденных (повседневных) задачах социума; ассоциировать прошлое социума с его настоящим (реминисценции с историей, напоминание о глоттонических предпочтениях социума, привлекательных для социума настоящего); структурировать лингвосемиотическую систему общечеловеческих потребностей, позволяющую прогнозировать весь ход истории человека, тем самым давая возможность выявить возможные пути антропологического развития человечества в целом.

В Заключение подводятся итоги исследования, формулируются основные его перспективы. Данное комплексное сопоставительное исследование лингвосемиотической и лингвокультурной систем глоттонической коммуникации народов Калмыкии, России, Германии, Австрии и Швейцарии позволило установить, что гастрономические предпочтения по-разному формировались в ходе всей их истории, что убедительно продемонстрировали результаты анализа языковых, дискурсивных и ритуальных знаков, составляющих специфику гастрономической картины мира у представителей каждого из сопоставляемых этносов.

Перспективы дальнейшей работы над темой видятся в возможности рассмотрения сходств и различий между лингвосемиотическими этноглоттоническими системами других этносов, исторически и этнокультурно удаленных друг от друга; в сопоставительном изучении номинативного и дискурсивного воплощения пищевых концептосфер народов разных стран, в ходе истории развивших культуру потребления пищи и пищевые предпочтения.

По теме исследования опубликовано 11 работ, отражающих содержание диссертации

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК:

1. Боваева Г.М. Этнокультурная специфика номинаций мясных продуктов (на материале калмыцкой и немецкой глоттонических лингвокультур) // Вестник Тамбовского университета: Серия «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2011. – Вып.2(94). – С. 232-254 (0,6 п.л.)

2. Боваева Г.М. Лингвосемиотическая репрезентация структуры этнокультурного концепта «Пища» в русской лингвокультуре // Казанская наука. – Казань: Изд-во «Казанский Издательский Дом», 2011. – №11. – С. 216-220 (0,3 п.л.)

3. Боваева Г.М. Глоттоническая система номинаций потребления молочных продуктов в калмыцкой лингвокультуре // Научная мысль Кавказа: научный и

общественно-теоретический журнал. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ-ВШ, 2010. – №14. Ч.2. – С. 54-56

Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций

4. Боваева Г.М. Паремиологическая репрезентация этнокультурного концепта «Пища» в калмыцкой лингвокультуре // Сб. науч. ст. «Халимаг болон Монголын Ойрдүүдын хэл аялгуу, соелын түүхэн хэлхээ холбоонны асуудалд». – Ред. Э. Ц. Шагдарсүрэн. – Уланбаатар, 2009. – С. 185-194 (0,4 п.л.)

5. Боваева Г.М. Джомба – традиционный напиток калмыков. – Вестник института комплексных исследований аридных территорий (ИКИАТ). – Элиста: Изд-во Правительства республики Калмыкия, 2009. – №2 (19).– С.109-111 (0.3 п.л.)

6. Боваева Г.М. Знаки глотонии в калмыцкой лингвокультуре: этнокультурный ритуал жертвоприношения // Русский язык в диалоге культур: Материалы междунар.науч.конф. – Ред. Л.В. Ковалева. – Воронеж: Изд-во Воронеж.гос.арх.-строит.ун-та, 2010. – Ч.2. – С.12-17 (0.3 п.л.)

7. Боваева Г.М. Номинации потребления чая в калмыцкой лингвокультуре // Динамика языковой ситуации в монгольском мире: Материалы междунар. науч.-метод. семинара (Улан-Удэ, 21 октября 2010г.). – Ред. Д.Д. Санжина. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2011. – С.40-41 (0,2 п.л.)

8. Боваева Г.М. Аксиология молочных продуктов в русской и немецкой лингвокультурах // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. – Межд. сб. науч. тр. – Вып.12. – Москва – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2010. – С. 266-270 (0,3 п.л.)

9. Боваева Г.М. Лингвосемиотические функции номинаций потребления мясных продуктов в русской лингвокультуре //Актуальные вопросы современной науки: Материалы (Сб. науч. Тр.) XI Международной научной конференции (Таганрог, 30 апреля 2011г.). – М.: Изд-во «Спутник +», 2011.– С.353-356 (0.2 п.л.)

10. Боваева Г.М. Номинации потребления чая в русской этнолингвокультуре // Материалы III Международной научно-практической конференции «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования» (Краснодар, февраль 2012г.) Краснодар: Изд-во КГУ, 2012. – С.43-45 (02 п.л.)

11. Боваева Г.М. Аксиология чаепотребления в калмыцкой лингвокультуре // Материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Наука и современность-2012». – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. С. 45-50 (0,2 п.л.)

